

Елена Стриж

КНИГА 4

*Любовь
есть единственная
разумная деятельность человека*

Хвостик

*Давай сыграем
Поцелуй в обмен на...
Солнечный зайчик
Хвостик
и т.д.*

18+

Елена Стриж
Хвостик
Серия «А. Эротика. Любовь
есть единственная разумная
деятельность», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48712468

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-93081-0

Аннотация

Все начинается с порки, которую устроила бабушка Свете и ее двоюродной сестре Оксане за то, что они вздумали целоваться. Бабушка не промах, всех держала в ежовых рукавицах, она так же наказала и маму Оксаны, которая работала следователем. А вот ее брату, который начал засматриваться на парней, все сходило с рук. Это история двух сестер и их сексуальных приключений. Но однажды Света встретила странного и, как ей показалось, отвратительного соседа.

Содержание

Автор рекомендует:	4
Давай сыграем	5
Странные эти девочки	12
Поцелуй в обмен на...	22
Лада	32
Придётся быть счастливой	40
Я женщина	49
Солнечный зайчик	58
1	58
2	65
3	68
4	72
5	76
Хвостик	79
1 Выстрел	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Елена Стриж

Хвостик

Автор рекомендует:

Серия: [Любовь есть единственная разумная деятельность](#)
«[Цветные голоса](#)», «[Умышленная блокировка](#)», «[Погружение](#)», «[Хвостик](#)», «[Щекотка](#)», «[Я не такая](#)», «[За стеклом](#)», «[Крик](#)», «[Три К](#)», «[Ракушка](#)», «[Беги](#)».

Серия: [Розовый бархат](#)

«[Розовый бархат](#)», «[Что там?](#)», «[Тишина](#)», «[Щекотка](#)», «[Шепот](#)», «[Погружение](#)».

Серия: [Крик](#)

«[Стук](#)», «[SEX-машина](#)»

Серия: [Любовь в процентах](#)

«[Начало. Часть 1](#)», «[Игрушка](#)», «[Любовь в процентах](#)».

Серия: [Щекотка](#)

«[Почему бы и нет](#)», «[Котятки](#)», «[Круг](#)», «[Маньяк](#)», «[Клеймо](#)», «[Сволочи](#)», «[Клуб](#)», «[Мармеладка](#)».

Серия: [Тетрадка](#)

«[Черновик-1](#)», «[Черновик-2](#)», «[Черновик-3](#)»,

Давай сыграем

Поцелуй – это то, что осталось от райского языка.

– Давай сыграем, – сказала Таня Оксане.

– Во что?

Они вот уже как полчаса сидели и ждали Нину, та осталась после уроков на дополнительные занятия по русскому языку.

– В желания. Давай?

– Давай, – согласилась Оксана.

Это простая игра, в ней участвует два или больше игроков. Берется бумажка, каждый пишет желание, после бумажки кладут в мешок, так, чтобы не было видно, что там, и каждый вытягивает по одной бумажке. Были случаи, когда ты сам свое вытягивал, а когда вдвоем, все намного проще, просто обменивались написанными желаниями. Отказаться нельзя.

– Только, чур, не кукарекать и не...

Под «не» подразумевалось: никакого хулиганства. А то в прошлый раз Лада написала желание: «поднять юбку и прыгать по кругу», а Зоя, та еще хлеще... Ну, в общем, ни какого «не» и точка.

– Хорошо, – согласилась Таня и, отвернувшись от подружки, стала быстро писать свое желание.

– Я все.

– И я тоже. На.

– Почему я первая?

– Хорошо, давай своё, я не против.

Оксана взяла из рук Тани аккуратно сложенный кусочек бумаги и, развернув, прочитала.

– Ты, ты серьезно? – немного заикаясь, спросила она.

– Ну, если ты против, я тогда напишу другое.

Таня протянула руку за своей запиской, но Оксана спрятала руку за спину и, чуть нагнув голову, посмотрела подружке в глаза.

– Серьезно?

– Ага, но говорю, давай перепишу.

В записке было только одно слово: «поцелуй».

Оксана вспомнила, что это значит, как делается, хотя сама ни разу ни с кем еще не целовалась. Она только видела несколько раз, как ее старшая сестра Снежана целовалась со своим парнем. Тогда она задумалась, каково это – целоваться, и главное – зачем? Старалась понять, что чувствовала ее сестра, ведь после этого она как-то странно начинала улыбаться и по-дурацки водить плечами.

– Хорошо, – согласилась Оксана, – только, – она завертела головой.

Девочки сидели в беседке у самой школы, рядом первоклашки прыгали на скакалках.

– Идем, – скомандовала Таня и, взяв свой портфель, пошла в сторону теплицы. – Идем, знаю местечко.

Оксана соскочила и побежала за подружкой, но тут же вернулась обратно, схватила свой портфель и поспешила за Таней. Теплица примыкала к большой трансформаторной будке, с одной стороны был стадион, а с другой стороны – дорожка, что вела вглубь рядом стоящих домов. У самой теплицы росли большие кусты. Таня поманила Оксану к себе и те, протиснувшись среди ветвей, постарались скрыться от посторонних глаз.

– Так пойдет? – спросила Татьяна.

Они уже давно дружили, вместе ходили в один садик, в одну группу, и вот теперь учились в одном классе. Весной у Татьяны в доме что-то сломалось, неделю не было горячей воды. Оксана пригласила подругу к себе, чтобы та приняла ванную. Дома никого не было, мама еще не пришла с работы.

– Пойдем вместе, – предложила Татьяна, но Оксана отказалась, уже была взрослой, по крайней мере, такой себя считала. – Ну ладно, я быстро, – сказала подруга и убежала в ванную.

Через несколько минут раздался визг.

– Что случилось? – Оксана заглянула в ванную, и тут ее из душа окатила Татьяна. – Ааааа!!! Я мокрая!!! Ааааа!!!

– Идем ко мне.

– Ну, знаешь ли!!! Это не честно.

– Идем.

Оксана подумала. Волосы, лицо и все тело было мокрым. Деваться некуда, она разделась, все аккуратно развешала,

чтобы к вечеру подсохло и, переступив через край ванны, встала.

– Ты чего? – видя, как Татьяна смотрит на нее, спросила Оксана.

– Да нет, так. Садись осторожно, а то вода перельется.

Оксана опускалась медленно, а вода все поднималась и поднималась. Тогда они просидели в ванной, наверное, час. А после друг другу расчесывали волосы.

Голоса первоклашек затихли. Оксана, сделав еще шаг, совсем скрылась в зелени. Она никогда не целовалась, но хотела попробовать. Поцелуй с мамой и сестрой не считается, он всегда дружеский, а ей хотелось другого.

– Боишься? – спросила Таня.

– Нет, но...

Желание на листочке – есть желание.

Она подошла вплотную к подруге, посмотрела на ее губы, даже не представляла, как это делать, хотя ведь чмокалась с сестрой. Но то сестра, а тут подружка. Что-то сердце затихло. Оксана помедлила и только когда почувствовала удары в груди, успокоилась и, набравшись смелости, потянулась вперед.

Губы прикоснулись, она старалась не смотреть ей в глаза, а то вдруг засмеется. Прикосновение было каким-то странным, она ожидала иное, ведь читала в книгах и видела в кино. А тут просто поцелуй, и что из того?

– Все, – немного смущенно сказала Оксана.

– Теперь твоё желание.

– Нет, – тут же сказала Оксана, – давай я его перепишу.

– Ну, вот ещё, желания не переписываются.

Татьяна развернула листок и обомлела, одно слово: «поцелуй».

– И ты туда же.

– Давай перепишу, я ведь не знала, что ты...

– Нет, желание есть желание. Ты у меня подсмотрела?

– Нет, – тут же в свое оправдание отрицательно закивала головой Оксана.

– Хорошо.

Татьяна чуть нагнулась и прикрыла глаза, она так всегда делала, когда хотела получить максимум наслаждения. Так Татьяна откусывала мороженное, посасывала дольку шоколадки. Так она загорала и лежала на животе, когда ей в прошлый раз Оксана водила пальчиком по спине.

Оксана приготовилась, теперь она уже что-то да знала о поцелуе. Сперва ощутила ее дыхание, прерывистое, а после тепло, да, именно тепло от ее лица, и только после прикосновение губ. Тут же Оксана вздрогнула. Татьяна открыла глаза и удивленно посмотрела на подружку.

– Ты чего?

– Не знаю. Все? – немного разочарованно спросила она.

– Нет, я только начала.

– А...

Татьяна опять прикрыла глаза и, снова наклонив голову,

поцеловала подружку. Тепло, ужасно тепло от поцелуя, что-то проникло в ее сознание. Стало даже жарко, но она не обратила на это внимание. Ощутила губы подружки, как они неуклюже прикасались к ней. Странно, вроде и поцелуй и в то же время нет.

Татьяна выпрямилась, в груди опять заработало сердце, Оксана заморгала, словно вышла из темноты на свет. И только теперь она почувствовала, как в груди что-то тает. Невольно улыбнулась и, взяв ее руку, чуть сжала пальцы.

– А мне понравилось.

– Никому, – на всякий случай сказала Татьяна и тоже сжала ее ладонь.

– Пойдем, а то нас Нина потеряет.

– Пойдем, – согласилась Татьяна, и они осторожно, чтобы не поцарапаться, стали выбираться из кустов.

Странные эти взрослые, придумали поцелуй. Нет, Оксане он понравился, но не понимала почему. Вот звери, они же не целуются, там все просто, хотя и у них есть любовь. По крайней мере, Оксана читала об этом.

Как только они подошли ко входу, появилась Нина, она возмутилась, что потеряла их, даже в буфет сбегала.

– А мы там были, – и Татьяна махнула рукой в сторону спортивной площадки.

– Ну что, пойдемте, у меня еще два часа, а после на скалолазание.

– Пойдемте, – согласилась Оксана и, не отпуская руки по-

друзжки, они быстро зашагали в сторону магазина, где обычно покупали по булочке и кушали их по пути до дома.

Странные эти девочки

Он заметил её, когда Свиридова перебежала на красный

свет и, придерживая у груди большой кулек, направилась в сторону поликлиники. Ему было как раз по пути, Андрей ускорил шаг и через минуту догнал свою одноклассницу.

– Привет, – крикнул он ей вдогонку, видя, что не успевает за ней.

– А? – Аня на ходу оглянулась и, не сбавляя шага, продолжила свой путь.

– Привет, – еще раз поздоровался он с ней.

– Привет, привет, ты тут откуда?

– Вообще-то я рядом живу, вон за тем парком. Видишь красную крышу, мой дом.

– А...

– Помочь?

Он, конечно же, не джентльмен, и ему не совсем по пути, но все же его так воспитали, что девочкам, женщинам и, конечно же, бабушкам надо помогать.

– На, – словно только этого Аня и ждала, всучила ему тяжеленный кулек.

– Ого, что там?

– Пленки, катушки и колонка. У Притужалова одна, она слабая, а у меня на 15 ватт, круто будет. У брата взяла, с трудом выпросила.

– А зачем ему колонка?

Андрей ускорил шаг, поскольку Аня уже свернула во двор.

– Сегодня вечером танцы. Ах, да, ты же не приглашен,

извини, там только свои.

– А я, значит, не свой?

– Нет, там девичник.

– А Притужалов что, тоже девчонка?

– Нет, он у нас диск-жокей, понял!?

– Хм, ему значит можно, а мне нет, так не честно. Тоже хочу.

– Нет, там Малютина заправляет. Разрешит, приходи.

– Да вот еще, нужны мне ваши танцы-зажиманцы.

Именно так и назывались спокойные танцы, вроде, как и далеко друг от друга, как говорила Горшкова, на пионерском расстоянии, но все же это, наверное, единственная возможность нормально прикоснуться к девчонке. Те, правда, делали вид, что им все равно, мол, вам надо, вот и обнимайте нас. Хотя какое там обнимайте, руки как по команде на талию и все. Нет, танцы – это, конечно же, интересно, можно подрыгаться, хоть разрядка, а медленные... «Бе...», – подумал Андрей и представил, как он мог бы с Малютиной вот так танцевать. Она близорукая и носит очки, а когда снимает, такая потешная.

– Да и не нужны мне ваши танцы, я лучше с Веркой буду танцевать.

– С Веркой? – Аня резко остановилась и посмотрела на Андрея. – Кто такая? Семенова или Нестерова?

– Кошка у меня дома, я ее так называю.

– Хм... Верка?

– Ага, она все время спит как Семенова, а если что спросишь, то смотрит на тебя непонимающими глазами. Но стоит пойти на кухню, она тут как тут. Точно Семенова.

– Дурак.

– Зачем обзываешься? Я ведь так, можно сказать, по секрету рассказал тебе.

Девчонки очень любят секреты, даже такие глупые, как про кошку, это как бы знак доверия.

– Ладно, я спрошу у Малытиной, может, разрешит, ведь придет Копьев и Козлов...

– Что? – Андрей возмутился. – А говоришь девичник!

– Ну, это мы так, только свои. А что ты можешь принести?

– Принести?

– Да, каждый несет что-то свое. А ты что?

– Это что-то вроде членского взноса?

– Пусть так. Ну, так что?

– У меня есть дома газировка, две бутылки, а еще кусок вафельного торта, но я его надкусил, на вечер оставил.

– Не густо, но газировка – это хорошо.

– У меня есть еще конфеты с нового года, правда, шоколадные все съел, но штук двадцать, наверное, будет. Хватит?

Они вошли в подъезд и, поднявшись на второй этаж, Андрей протянул ей кулек.

– Держи, я пойду.

– Стой, я сейчас, подожди меня у окна.

Андрей спустился на площадку. У Притужалова странная

мама. Однажды он заходил к нему домой, стучался, слышал, как кто-то за дверью шубуршал, смотрел в глазок, но так и не открыл. Тогда он от злости пнул дверь.

Через пару минут спустилась уже не Аня, а сама Малютин-на Таня. Она так-то была ничего, даже можно сказать красивой, а вот в прошлом году была полной, странно, как она за год так постройнела.

– Так-так, – начала было она, это явно ничего хорошего не предвещало.

– Ладно, я пошел.

Она что-то ему в спину вякнула, но он не стал ее слушать, от обиды выскочил на улицу и быстро пошел домой. «Надо мне больно ваши танцы, вот еще», – говорил он сам себе. Да, он не любил танцы, считал их игрой девчонок, словно он индеец и должен трястись, еще бы в руки копьё и костер.

– Да ну вас...

– Андрей, стой! – услышал он за спиной крик Ани.

– Что еще?

Ему, конечно же, было приятно увидеть ее, особенно то, что она выскочила на улицу без куртки, а ведь холодно.

– Ну, ты что убежал?

– Некогда мне, свои дела...

– Приходи сегодня к семи, все согласились.

– Все?

– Ну да.

– А ты?

– Я же сама их спросила. Придешь? Прошу, приходи.

– Ну, я... – он замялся, в душе все еще была обида на Малютину, но ему и правда хотелось побыть среди девчонок. – Ладно.

– Все мы тебя ждем, не забудь конфеты и газировку, как обещал.

– Хорошо.

Настроение сразу изменилось, Андрей прибежал домой, достал, что обещал, и сложил в кулек. Нашел у отца туалетную воду и побрызгался ею.

– Ну вот, – довольный собой, он посмотрел на себя в зеркало, на всякий случай причесался и, посмотрев на часы, пошел одеваться. – Пора, а то еще опоздаю.

Подходя к квартире Притужалова, услышал, как за дверью играет музыка, пришлось подождать, пока кто-то не услышал его звонка и не открыл.

– Опять ты! – дверь открыла Малютина.

– Заходи, – она взяла из его рук кулек, заглянула в него и как таможенник дала добро. – Что убежал?

– Да ты...

– А, пришел, – в коридоре появились Оля и Ира. – Идем, поможешь отодвинуть диван.

Маленькая двухкомнатная хрущевка, с одной стороны балкон, телевизор, стол и шкаф, а с другой стороны диван и комод. Тут танцевать только в центре, да и то осторожно, чтобы не пошибать других.

– Я рада, что пришел, – из кухни появилась Аня. – Идем, поможешь нам.

– Сперва пусть диван пододвинет.

Вот что значит. Нет парней, одним стол двигай, другим надо достать стаканы с верхней полки, а после еще и поднос. Притужалов с деловым видом пыхтел у своего катушечного магнитофона, таскал то влево, то вправо колонку. А после загорелся ночник, и замигали лампы цветомузыки.

Андрей старался не участвовать в вакханалии быстрых танцев. Они были похожи на электро брейк-данс, словно по полу пустили ток, и все начинали дергаться. Со стороны это смотрится уморительно. У кого-то было серьезное лицо, словно он вышел к доске отвечать домашку. А кто-то так расплылся в американской улыбке, что можно было пересчитать все зубы. Но кто-то просто улыбался и наслаждался электрическим ритмом музыки.

Андрей старался избегать этого всеобщего помешательства, он ушел на кухню готовить бутерброды.

– Один? – почти крича, спросила Аня.

– Что? – Андрей с трудом слышал ее голос в грохоте музыки.

– Один?

– Да!

– Помочь?

– Да!

Во всей этой дискотеке ему нравились перерывы, тогда

Притужалов запускал что-то поспокойней, и парни, а их было всего-то четверо, шли выбирать себе дам. Ну прямо малина. Тут главное не обидеть, с одной и той же дважды танцевать нельзя, все по очереди.

Он не заметил, как прошло время, как на часах уже показывало девять, а он обещал быть дома не позже десяти. Кто-то из девочек, кому нужно было уезжать, пошли одеваться. Андрей с каким-то беспокойством посмотрел, кто уходит, опять заиграла спокойная музыка.

– Можно тебя пригласить? – спросила Аня.

«Белые танцы» – это медленный танец наоборот, обычно приглашают парни, так принято, а когда объявляли «белый», то парни ждали своей участи, кто пригласит их. Это не просто танец, это гораздо больше. Так девочки намекали парням, что он ей нравится.

– Да, – сразу сказал Андрей и пошел за Аней.

Хлопнула входная дверь. Около балкона на одном месте мялся Копьев, держа в руках Моторину, словно это рулон ковра. Ближе к кухне неуклюже крутился Козлов с Верой Бородиновой. Смешно, он такой маленький, а она высокая, на голову выше его. Притужалов не отходил от своего магнитофона и бдил, словно он куда-то убежит.

– Спасибо, ты помог нам. Понравилось?

– Ага, – честно признался он.

– Ну, ты чего так держишь? Можно и покрепче.

Медленные танцы, они мало чем друг от друга отлича-

лись, тут главное положить ладонь на талию. Правда, кто посмелей, мог и прижать партнершу к себе, но это не всем удавалось, и точно уж не Андрею. В прошлый раз он танцевал с Устиновой, ладонью чувствовал, как она вспотела, а вот Вера, та была словно резиновая, холодная.

Андрей набрался смелости и чуть сильнее прижал ладонь к ее телу. Аня улыбнулась и, как ему показалось, подошла чуть ближе. Стало тяжело дышать и жарко. Перебирая пальцами, Андрей ощущал сквозь ткань ее тело, так приятно и необычно. Девочка заулыбалась и как-то стеснительно опустила глаза вниз.

– А это здорово.

– Что? – когда закончилась музыка, спросила Аня.

– Танцы.

– Мне тоже нравятся, – она опять улыбнулась, и как только Притужалов запустил очередную спокойную мелодию, она тут же пригласила его. – Потанцуешь со мной?

– Ага, – растеряно ответил он и, уже не так стесняясь, положил ладонь ей на талию.

Девчонки – странные создания, вроде как человек, то есть как парень, и в то же время нет. Раньше Андрей не очень обращал на них внимание, дружил, дрался. Но теперь, танцуя с Аней, он понимал, что тут что-то не то. Ему было приятно с ней, и неважно, какую глупость она говорила, раньше бы заткнул уши и демонстративно отвернулся, но сейчас нет. Она в такт музыки чуть виляла бедрами, а он старался попасть в

ее ритм, но двигался неуклюже.

– Спасибо.

– Ну я...

– Теперь твоя очередь.

– Какая очередь? – не понял ее вопроса.

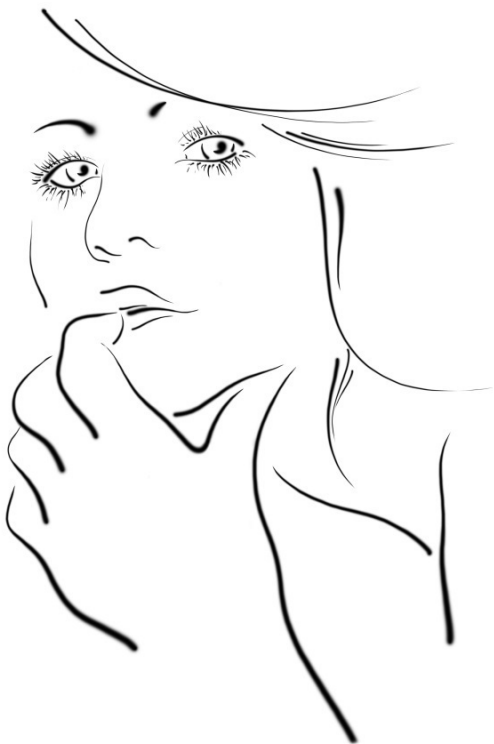
– Меня пригласить.

– Можно? – сразу сказал Андрей, и когда увидел на ее лице улыбку, сделал шаг назад.

Он не разбирался в музыке, у них дома был проигрыватель для пластинок, но там в основном классика, да еще несколько маминых пластинок. Аня чуть вильнула бедрами, и его рука заскользила по ее кофте. Андрей почувствовал под тканью углубления от ремня на брюках. Она хихикнула и опустила взгляд на пол.

«Все же странные эти девчонки...», – подумал Андрей и осторожно прижал пальцы к ее телу.

Поцелуй в обмен на...

– Ну что, берешь? – спросил ее Димка, протягивая потер-

тую книгу Жюль Верн «Властелин мира».

Марине она была нужна, хотя не очень любила мир приключений. И все же эта книга была нужна.

– Хорошо, – согласилась она, – что потребуешь?

– Как обычно.

– А может, тебе принести Стивенсона? у меня есть «Похищенный».

– Нет, обмен, как обычно.

Слова «как обычно» подразумевали, что книга меняется на поцелуй. Вот уже как год они шастали по квартирам и спрашивали у всех подряд, кому не нужны книги. Кто-то принимал их за сборщиков макулатуры и тогда им вытаскивали целые кипы газет и журналов. Это было все не то, но и среди журналов было много интересного. Но Марина, Оля и Витя в основном собирали те редкости, что уже мало кому были нужны.

– Хорошо, один раз.

– Нет, это ценная вещь. Два! – потребовал Димка.

– Ладно, два так два, – тут же согласилась Марина и, вырвав у него из рук книгу, подошла поближе.

Димка, как оловянный солдатик, вытянул руки по швам и приготовился. Девочка выдохнула и, чуть нагнувшись вперед, прикоснулась губами.

Это все Оля придумала, тогда ей ужасно захотелось взять у Вити книгу про Французскую революцию, Наполеон, любовь-морковь. Он бы ее и так отдал, но Оля пристала как

банный лист, вот и предложила, что поцелует, а он отдаст книгу. С тех пор повелось, что если нет книги на обмен, то поцелуй. Но иногда и он не помогал.

Димка приготовился, Марине он не очень нравился, пухлый словно колобок. Прикоснулась и на секунду замерла.

– Раз, – сказала она и тут же прикоснулась губами еще раз. – Два. Все, она моя.

– Эх, – тяжело выдохнул мальчик. – А у меня есть журналы по вязанию, могу всю стопку отдать за три.

– Нет, они мне не нужны и даже за один. Ладно, пока.

Марина выскочила из его квартиры и на всех парах помчалась к дому Свиридова. «Лишь бы не опоздать», – думала Марина. Она охотилась за книгами Анн Голон, у нее уже были пять штук из серии «Старого Света» и одна из «Нового Света». Чтобы первая серия была в комплекте, нужна «Анжелика и король», а она как раз у Женьки.

Как-то случайно эту серию им дала бабуля, сказала, отдаст ее, если они заберут у нее все газеты, а их оказалось целая кладовка. Но они справились с поставленной задачей, а после по-честному разделили книги между собой. Тогда они не поняли, что это все разные книги, думали одно и то же. И вот теперь за этой серией охотилась Марина, Оля и еще Светка.

Марина бежала. Недавно прошел дождь, на улице было сыро и холодно.

– Так, где-то тут, – адрес Женьки ей сказал Витька.

Четвертый подъезд, седьмой этаж. Она запыхалась, лифт

был отключен. А вот и квартира. Звонка не было, Марина осторожно постучалась, подождала и еще раз постучала.

– Вот блин, нет, – но тут из-за двери раздался голос Женьки.

– Кто там?

– Кто-кто, конь в пальто, открывай.

– Ты, что ли?

– Открывай, кому говорят, принесла, как и обещала, а то отдам Лешке, они ему тоже нравятся.

Замок тут же щелкнул, дверь распахнулась. Женька стоял в трусах и сразу уставился на книгу в ее руках.

– Надень штаны, – сказала Марина и, толкнув его в грудь, вошла в коридор.

– Ты как ее выманила? Он, козел, не хотел даже дать почитать, он...

– Долгая история, пришлось поторговаться. Неси, как и обещал.

Марина была не против давать книги для чтения, ведь после того как сама прочитала, они становились ей уже не нужны. Лишь только самые редкие она оставляла себе, а остальные подписывала, указывала свой адрес и телефон. Так книги ходили по рукам, а в прошлом году пришла женщина, она ее не знала и принесла ее книгу.

– Здравствуй, твоя?

– Да, – сразу узнав свой почерк, сказала она.

– Дочь уехала в лагерь, разбирала на столе и нашла твою

книгу.

– А... – удивилась Марина. – А кто?

– Ира Федотова, может, вместе учитесь?

– Нет, не знаю такой.

Вот так странно получилось, книга ходила, ходила и вернулась к ней.

Появился Женька, он натянул на себя потертые треники и теперь держал в руках книгу «Анжелика и король».

– Давай, – чтобы он не передумал, сказала она и протянула свою добычу.

– А обмен, – это он намекнул на поцелуй.

– Как дам сейчас. Уговор был книга на книгу.

Она сама подошла к нему и взяла книгу, но Женька вцепился в нее, словно рак клешней и не хотел отпускать.

– Ну же!

– Ладно, – он отпустил и тут же выхватил из ее рук принесенную для обмена свою книгу. – Ваще, крутизна, теперь у меня 15 книг из серии. Вау...

– Не знаешь, у кого «Анжелика и Демон», а еще «Дорога и надежды»?

– Нет, спроси у Вовки, он вроде выменял одну или несколько.

– А что за Вовка?

– Шнуров.

– А... – она поняла, что это тяжелый случай, хотя бы потому, что Вова ей нравился, тут обмен может застопориться.

– Я знаю, на что он клюнет.

– На что? – сразу поинтересовалась Марина.

– Он собирает все, что связано с парусными кораблями, фрегатами, бригами, интересуется рангоутами, такелажем и...

– Это что такое?

– Не важно, идем, – они зашли в его комнату, и Женька полез под диван. – Вот, на, отдай ему.

Марина взяла книгу «Корабль-призрак», на первой же страничке был изображен черный парусник.

– У... Что хочешь?

– Да ничего не хочу, просто лежала, а для дела не жалко.

– Честно?

– Ну да, больше ничего нет.

– Спасибо.

Марина выскочила из его квартиры и уже побежала, но вернулась, постучала, и тогда Женька открыл дверь.

– Что еще?

Она не ответила, а чмокнув его в щечку, тут же скрылась.

– Спасибо, – донесся ее голос откуда-то снизу.

У Марины были конкурентки, да и она не знала, все ли бабуля отдала книги или нет. Но прочитав первую книгу, она влюбилась в Анжелику, в ее графа Жоффрей де Пейрак. И теперь хотела иметь всю коллекцию.

Она целых два дня мялась, не решаясь даже заикнуться Вовке про обмен.

– Говорят, ты кораблями увлекаешься?

– Парусники, – пояснил мальчик.

– А у меня завалилось несколько журналов «Техника молодежи», там есть схемы кораблей.

– Честно? – его глаза тут же оживились.

– Правда.

– А... А... Можно взглянуть?

Девчонки вообще имели свойство все держать в секрете, словно это какая-то тайна. И то, что Марина рассказала про журналы, для него было странным.

– Могу тебе еще дать одну книгу, про Корабль-призрак, но...

– Давай, что хочешь?

– Ну, мне нашептали, что у тебя есть книги про Анжелику.

– Женька?

– Может и он, а может и нет. Есть?

– Есть, лежит одна.

Он не сказал, что книгу «Дорога и надежды» он с большим трудом выменял у Оли. Вот почему так, если парень предлагает обмен на поцелуй, то это воспринимается как приставание, а если девчонка, то вроде как и нормально. Оля согласилась, но на условиях, что он за ней поухаживает, вот только что это такое и что она имела в виду, не сказала.

– Махнемся? – узнав новость, сразу предложила Марина.

– Договорились. Тогда после уроков зайдем по пути ко мне и сразу к тебе. Ладно?

– Отлично. Только никому не говори, а то, – тут Марина покосилась на Олю со Светой, которые вошли в класс.

– Заметано. Значит, после уроков.

Но после уроков Вова извинился, сказал, что пока занят. Как освободится, сразу придет к ней домой. Он ушел с Олей, и Марина подумала, что все, ее книга пропала, но он, как и обещал, часа через два пришел к ней домой.

– Пришел? – явно удивилась она.

– Ну... Обещал ведь.

– А принес? – с надеждой спросила она его.

– Вот, – мальчик порылся в сумке и достал старую, в нескольких местах подклеенную книгу «Дорога и надежды».

– Ой, – удивилась Марина и, взяв книгу, прижала ее к груди.

– Я еще...

– Проходи, я сейчас.

Девочка убежала к себе в комнату и вернулась в коридор с книгой «Корабль-призрак». Вова взял ее и, сев на пол, стал рассматривать картинки.

– Идем ко мне, нечего сидеть в коридоре.

Не отрывая головы от своей книги, он вошел в ее комнату.

– Вот тебе еще, на, – она протянула ему несколько журналов.

Мальчик нехотя отложил в сторону книгу и открыл журнал.

– А знаешь, одномачтовые корабли называются катбо-

ты, шлюпы, тендер. А еще с короткой бизанью, а вот после уже двухмачтовые идут, это бриги, шхуны, бригантины, марсель-шхуны и просто шхуны. А трёхмачтовые – это фрегаты и шхуны, барки, бригантины. И самое последнее – это четырёхмачтовые фрегаты, шхуны, барки и бригантины. А ты знаешь, что многие могли плавать против ветра. Представляешь, вот стоишь на бушприт и смотришь, как внизу прыгают дельфины.

Марина присела на край дивана и, как-то робко косясь на мальчика, слушала, как он восторженно говорит о море. Свою книгу она положила на стол, теперь она ее, а Вова все говорил и говорил.

– Вот, смотри, это лисель, дополнительный парус, он ставится сбоку прямых парусов на фок- и грот-мачтах, когда попутный ветер. Ой... – мальчик вскочил и выбежал в коридор, через минуту вернулся, держа в руке книгу «Анжелика и Демон». – Тебе.

– А... – Марина соскочила и по-детски обрадовалась. – Откуда? Это... Это же...

– Держи, – он протянул руку с книгой.

Марина взяла ее, открыла обложку и, пробежав глазами первые строки, закрыла.

– У меня больше ничего нет, – она имела в виду на обмен.

– Да я так, ты же собираешь.

– Спасибо, а можно я тогда... – она немного замялась, не зная, стоит ли ей говорить. – Может, я поцелую?

– Давай, – тут же согласился Вовка и, отложив в сторону свои журналы, встал по стойке смирно.

Марина уже один раз его целовала, вспомнила, как покраснела, как было неловко. Она подошла к нему и, вытянув шею, прикоснулась губами. Сильные удары сердца. Оно, словно поршневой двигатель паровоза, запыхтело. Лицо стало горячим и, как ей показалось, она покраснела. Марина еще раз прикоснулась к его губам, немного отдышалась и еще раз.

– У меня больше нет ничего на обмен, – смущенный тем, что Марина так долго целовала его в губы, сказал Вовка.

– А это без обмена, так, просто. Можно еще раз?

– Ага, – только и сказал смущенный мальчик.

Девочка сделала еще полшага вперед. Чуть наклонила голову и, прикоснувшись к его губам, прикрыла глаза.

Когда Марина родилась, мама сказала, что ее поцеловал ангел. Розовое родимое пятно между бровей постепенно растаяло, но сам поцелуй никуда не делся.

Она чуть разомкнула губы и, ощутив его запах, снова прикоснулась губами к губам.

Лада

На его лице сияла улыбка, он что-то напевал и тер ладони, словно хотел их согреть. Артур спустился на пятый этаж и уже собрался повернуть в сторону лифта, как получил рез-

кий удар в лоб. От неожиданности он, как в кино, подпрыгнул и со всего маху шлепнулся на пятую точку.

– Козел, – первое, что услышал юноша, придя в себя. – Опять подсматривал, на тебе, на...

Девушка со всей силы ударила его по голове сумкой, а юноша, еще не придя в себя от первого удара, отползал от этой разъяренной мегеры все дальше и дальше.

– Я тебя размажу, я тебя... – она остановилась, глаза округлились, и уже с испугом нагнулась к Артуру. – Ой. У тебя кровь бежит. Ой... – растерялась девушка и, порывшись в сумочке, достала платок и стала вытирать им кровь. – Идем! – скомандовала Лада и, схватив за шиворот Артура, толкнула в лифт. Через несколько секунд кабинка остановилась на девятом этаже.

– Держи покрепче. У меня дома никого нет. Быстрее заходи.

Девушка засуежилась, убежала в ванную, принесла мокрое полотенце и стала вытирать окровавленный лоб.

– Как же я тебя так? А могла бы убить. Козел! Почему подсматривал? А! – Лада то ругала, то сюсюкала, словно играла с котенком, то вспоминала, что он уже не первый день за ней следил. – Прибыю! Еще раз и точно прибыю.

Через пару минут кровь перестала бежать. Она аккуратно протерла все вокруг раны перекисью водорода, а после, убедившись, что Артуру ничто не угрожает, злобно посмотрела ему в глаза.

Здесь тихо, и это несмотря на то, что внизу город и куча машин, а во дворе малышня кричит. У Лады давно был ключ от чердака, они сюда ходили еще с Жанной, но та уехала в лагерь, а больше она никого не хотела сюда пускать. Пусть маленький, но ее личный мир с большим голубым небом. Она поднималась по лестнице, открывала замок и, подняв тяжеленую крышку, залезала на чердак. Крыша как крыша, через дырки в шифере можно увидеть облака, что плывут над домом. Сейчас здесь пыльно и голуби летают. Говорят, скоро ремонт, и тогда всю крышу снесут и сделают новую. Но пока у нее есть ключ. Лада, если была хорошая погоды, поднималась по стропилам и вылезала наверх. Здесь крыша меняла свою форму и упиралась в плоскую пристройку девятиэтажки. Тут они вместе с подружкой загорали. Но вчера, возвращаясь, Лада заметила на доске, по которой она ходила, чужие следы. Они были не ее, это кроссовки, а у нее сланцы. Думала, случайно, а после опять увидела их, но уже у люка, с которого она спускалась, чтобы позагорать. Лада не зря в свое время на даче играла в казаки-разбойники, была прекрасным следопытом. Посыпала доску известью, что нашла у отца на балконе, а после узнала, куда эти следы ведут.

– Артур, – прищурившись и посмотрев на его дверь, она уже думала о плане месте.

И вот теперь, пока он держал мокрое полотенце у разбитого лба, она думала, что пришибла, а оказалось, так, цара-

пина.

– И давно ты за мной?

– Ты это о чем?

– Видишь? – она достала палку, которой зимой выбивала пыль из ковра. – Щас как... – и уже для устрашения замахнулась.

– Пару раз, – тут же сдался он.

– Пару? – и опять запахла.

– Три или четыре.

– Или...

– Не... больше не видел.

Тут же ее гнев сменился на стыд, будто она до сих пор стоит раздетой, а он пляшет на нее. Лицо покраснело, она отвернулась. «Ведь знала, знала, что ничего хорошего из этого не выйдет. А она, все хорошо, тут никого не бывает. Вот, мол, смотри...». после этого Жанна взяла и первой разделась до гола. Ладе самой хотелось вот так же, она часто дома, когда никого не было, ходила голышом. Почему? Да она и сама не знала. Просто хотелось какой-то свободы, протеста, игры, интриги. И вот подруга утатила ее на крышу. Сама-то она уехала, а Лада продолжила каждый день ходить и загорать. А теперь этот прохвост... Лада вспомнила Артура в школе, как он стал гуськом ходить за Анжелой, а та, задрав нос кверху, не обращала на него внимания.

– Вон! – приказала ему и указала рукой на дверь.

Злость сменилась обидой. Лада собрала грязные полотен-

да и пошла их отстирывать. После этого случая она несколько раз встречала Артура то на улице, то в магазине. Хорошо, что начались каникулы, Лада почему-то боялась его взгляда, словно и правда все время, когда он рядом, была раздетой.

Он, впрочем, вел себя прилично, не косился, не ухмылялся, другой бы на его месте чувствовал себя королем. А Артур нет, пройдет мимо, кивнет или как обычно поздоровается, но холодок в голосе все же остался.

Лада еще раз поднималась на крышу, но сейчас загорала в своем новеньком купальнике. Солнце припекало, она закрывала лицо маминой соломенной шляпой и, о чем-то думая, начинала дремать. А что еще делать, когда загораешь, только читать или дремать.

Новый день. Они с мамой хотели сходить на блошинный рынок. Она любила рассматривать старые вещи, обычно их выкидывали за ненадобностью или мещанского пережитка. Мама редко уходила с рынка без покупок, то статуэтку купить, то чугунную ступку. А в прошлый раз утюг на углях, Лада махала им словно там и правда угли.

Девочка посмотрела на шторы, через которые уже пробивался утренний свет. Пока еще рано. В душе было тепло.

– Странно, – тихо сказала она и стала вспоминать свой сон.

В нем она была на той самой крыше, лежала, как и тогда, без одежды. Знала, что он смотрит, и почему-то не было стыда.

– Странно, – повторила Лада и потянулась под одеялом.

Несколько дней дул прохладный ветер, он то нагонял облака, и тогда казалось, что вот-вот пойдет дождь, то все затихало, и сквозь тучи пробивались золотые лучи. Лишь только на четвертый день солнце опять засияло, и Лада пошла на свою крышу. А что делать дома?

Где-то там, внизу, бегала ребятня, в прошлом году отремонтировали двор, и теперь им было где играть. Она прислушалась, подумала, покрутила головой и рискнула раздеться. Но лежала недолго, села и громко спросила:

– Ты опять тут?

Почему-то ей показалось, что Артур тут, хотя не была в этом уверена.

– Я знаю, что ты здесь.

– Ну, здесь, – донесся его голос откуда-то из-под потрескавшегося шифера.

Лада, как пожарник, соскочила, на ходу надела платье и, не останавливаясь, бросилась к люку, откуда спускалась на крышу. Его шаги зашлепали, но как бы быстро она ни мчалась, он успел скрыться. Ей хотелось чем-то запустить в этого наглеца. Пробегая по доске, она зацепилась за провод и со всего маху упала на пыльный пол.

От боли и обиды на глазах сразу появились слезы. Лада, поскуливая, прижала ушибленную ладонь и, хромя, пошла за вещами. Она решила больше не загорать. На крышу вело две лестницы, от одной у нее были ключи, а от другой

нет. Каждый раз озираясь и думать, что Артур опять подкрался и где-то там подсматривает за ней, она не хотела. Было стыдно, что он рассматривает ее тело, следит, словно она преступник.

Лада ругала Артура в мыслях, однако, когда встречала его на улице, вела себя как обычно, кивала и шла по своим делам. Не будет же она при всех ругать его, не хотела, чтобы кто-то знал об этом.

На пару дней Лада уехала с отцом на дачу, а когда вернулась и просто так поднялась на крышу, увидела листок бумаги, прижатый кирпичом. «Я больше не буду», – было написано на нем.

– Ты написал? – спросила его Лада, когда зашла в магазин и встретила у кассы.

– Да, – коротко ответил Артур.

Она молча ушла, не доверяла ему. И опять этот сон, в котором она лежала под теплым солнцем, млела от удовольствия. И опять ощущение, что он смотрит. Лада во сне подняла голову и посмотрела на него. Он сидел в стороне и что-то читал, словно ее и нет. У нее появилось любопытство, она перевернулась на живот и, сверкая голой попкой, вытянула шею, чтобы заглянуть в книгу.

Лада проснулась, в груди было тепло, словно только что ласкала себя. Улыбнулась, закуталась в одеяло и, провалявшись почти час, рассматривала блики на стене.

Весь день она не видела его, но мысли возвращались к Ар-

туру. Лишь когда собралась поехать в книжный магазин, заметила его на остановке. Как бы промежду прочим подошла и, кивнув как старому другу, спокойно сказала:

– Я сегодня в час буду там, – она не стала уточнять, а запрыгнула в свой автобус и уехала.

Как и обещала, Лада в час была на крыше. Сегодня отличная погода, можно поваляться. Расстелила покрывало, что всегда приносила с собой. Положила рядом купленную книгу, сняла с себя все и, надев соломенную шляпу, легла на живот.

Лада не знала, Артур тут или нет. Она не стала его звать, почему-то даже не хотела знать это. Девушка просто лежала, подставив солнцу свое тело, на котором уже отпечатался предыдущий загар, словно трафарет, с четким рисунком культика. Она перелистывала страницу за страницей, книжка оказалась интересной. Она и не заметила, как пролетело время.

Иногда прилетали воробьи, они чирикали, словно хотели поговорить с девушкой, а та только улыбалась и перелистывала очередную страницу своего увлекательного романа.

Придётся быть счастливой

Ну, что же, придется быть счастливой, коль других вариантов нет.

Деду Шуру совсем уже скрутило, еще в прошлом году он бегал и даже ездил на лошади, а теперь совсем согнулся.

Его палочка стучала по комнате, он с трудом поднимался и, кряхтя, старался выпрямить спину.

– Ууууу...

– Болит? – спросила Света, опуская ноги на прохладный пол.

– Не то, что бы болит, но не дает развернуть.

– Что развернуть? – спросила она, ища глазами тапочки.

– Крылья.

– Хи...

– Что хихикаешь, не видела разве моих крыльев?

– Нет, – честно призналась девочка.

– Не туда смотрела, это тебе не крылья птицы, это...

– А что это?

– Ну, как тебе сказать. У каждого есть крылья, но многие про них даже не догадываются, и тогда они горбятся и опускаются к земле все ниже и ниже.

– Как бабушка?

Баба Нюра хоть и еще была молодой, но работа в поле и ее скрючила.

– Нет, то работа, это благородно, а я говорю о другом, – деда закричал, что-то у него в спине затрещало, словно сухой хворост. Облокотившись рукой о косяк двери, он выпрямился. – Пойдем, кое-что тебе покажу.

– Крылья?

– Да нет, другое. Давай, подымайся, идем. На улице тепло, можешь не одеваться.

– Ага, знаю я, тепло, во, руки в пупырышках.

– Неженка. Пойдем, а то передумаю.

Последнее слово подстегнуло Свету, и она как была в ночной рубашке побежала за дедушкой, который уже спускался по ступенькам с крыльца.

– Начал в прошлом году, после прихворал, а вот нынче весной закончил. Ты мне показывала в книге кровать королей, так вот я ее...

– Сделал?

Тогда Света нашла в журнале несколько фотографий кроватей королей с балдахином. Ей эта идея так понравилась, что она натянула в комнате веревку от шкафа к окну и повесила старую бабушкину тюль. Тогда ее скрипучий диван превратился в сказку.

– А что сделал, ну, деда, скажи.

Она шустро забежала за ним в коровник и по лестнице стала подниматься под крышу.

– Ну не совсем то, что было там на картинке, но что-то похожее.

Света залезла на второй этаж коровника, тут обычно хранилось сено на зиму. Ей очень нравилось это место, такие травяные запахи, а еще ласточки, они каждый год вили гнезда под крышей. Раньше они летали через коровник, но деда сделал им дырку сбоку у крыши, и теперь они только через нее и залетали. Отсюда можно было спуститься в огород, и сразу напрямую к реке, или через двор и на дорогу к мага-

зину.

– Принимай работу.

Света, путаясь в длинной ночнушке, наконец забралась и уставилась на... Нет, это была не царская кровать, это было намного лучше. Деда Шура каким-то образом перекинул через верхнюю перекладину толстую веревку и закрепил ее к четырем концам широкого, как плот, поддона. Получилось что-то наподобие большой качели.

– Там уже сделал струну, надо только подцепить крюк и можно натягивать марлю. Тюль выпросим у бабки, видел в комод. Всё равно ей она не нужна, а для дела пригодится. А тут я принесу тебе матрац, подушки возьмешь с полатей, снизу постелем дорожки, они летом всё равно лежат в кладовке. Только, чур, не резать их.

– Ага...

Света стояла, разинув рот, и уже представляла, как тут устроится и будет читать и спать.

– Деда... – протянула она.

– Что такое?

– Ты самый крутой дед, ты это не знал?

– Догадывался. Ну что, принимаешь работу?

– Иииии... – завизжала Света и бросилась к деду Шуру на шею, тот закричал и чуть было не упал. – Спасибо, а бабушка не будет против?

– Это ты с ней поговори, а пока пойдем, принесем все, что надо.

Уже к обеду все было готово. Бабушка Нюра согласилась, немного поворчала, сама принесла тюль и, взяв иголку с ниткой, стала подгонять ее по длине. Деда, как и обещал, принес матрас, подушки, теплое одеяло и еще кучу всякой мелочи. После он приколотил к брусу несколько полок для всякой мелочи.

– Все.

Света восхищалась своей новой царской кроватью, что покачивалась на канате. Она готова была целый день сидеть под прозрачным балдахином и слушать, как попискивали птенцы ласточек.

– Все-все, вас больше никто не тревожит, заявила она и уже хотела лечь, как услышала голос Марины.

– Светка, ты где? Дед Шура сказал, что ты в коровнике.

– Я тут, иди ко мне.

Марина, ее лучшая подружка в деревне, стала подниматься по лестнице.

– А ты что тут делаешь? Вау... – увидев царское ложе, только и смогла сказать она.

– Залазь, только обувь сними, у меня тут все чисто.

Марина заглянула вниз под кровать, потрясла ее, проверяя, насколько она крепкая, обошла и, просунув голову под тюль, заулыбалась.

– Папе скажу, чтобы тоже сделал. А выдержит двоих?

– Выдержит, выдержит, деда сидел и я. Залазь.

– Ваще, ух ты, – Марина осторожно забралась на раскачи-

вающуюся кровать. – Словно ты на море.

– Смотри, – Света ткнула рукой в потолок.

– Это что?

– Я такое видела у своей подружки дома, они привезли ее откуда-то из-за границы, называется «музыка ветра».

– Аааа... – протянула Марина. – А что она делает?

– Вот, послушай, только не болтай.

И девочки замолчали.

– Не поняла, – возмутилась Марина. – Ничего не слышу.

– Помолчи, сейчас ветерок подует и услышишь.

Они легли на спину и уставились на керамические горшочки, что были привязаны на веревках и подвешены так, чтобы чуть касаться друг друга.

– Слышала?

Марина напрягла слух, и вдруг раздался глухой стук, а после еще и еще.

– Здорово.

– Вот так лежишь, читаешь, а они тук... туки... тух...

– Да... Интересно, а если повесить кастрюлю и ложки.

– Попробуй, приду к тебе слушать.

Они весь день просидели под крышей, один раз сбегали перекусить и обратно. Лежали и мечтали, а глупые курицы кудахтали где-то там внизу.

– Ладно, я пойду, а то мамка потеряется, ругаться будет. Завтра утром прибегу. Ты когда проснешься?

– Не знаю, я тут буду спать.

– Тут?

– Ага, Ваську возьму к себе, чтобы не страшно было и фонарик.

Марина убежала, а Света еще долго лежала и слушала, как начали петь сверчки, после сходила в дом. Бабушка, правда, не хотела, чтобы внучка ночевала под крышей, но после согласилась, дав ей теплое одеяло, мол, по утрам холодно. И правда, под утро стало холодно, и Света, закутавшись в него, постаралась сладко уснуть, но не тут-то было. Сперва закричал петух, после закудахтали глупые курицы, а там уже проснулись и ласточки. Но как только пригрело солнышко, все успокоились, и Света погрузилась в свой сладкий сон.

Трудно сказать, что вообще снится. Пока ты во сне, все хорошо помнишь, но стоит открыть глаза, бах, и все испаряется. Вот почему так? Света потянулась. Под одеялом было тепло, уютно, как в берлоге у мишки, правда, она в берлоге ни разу не была, но, наверное, там уютно.

Она ощутила нежную истому, что шла откуда-то из глубины. Казалось, что летит, не то она воздушный змей, не то орел, который, расправив крылья, ловит ветер. Ее тело то поднималось, то вдруг резко опускалось. В этот момент она замирала, даже чуточку испугалась, а после опять поднималась вверх.

Сон, он такой реальный. Она открыла глаза, но тут же закрыла их и, натянув на голову одеяло, опять провалилась в свои грезы. В груди щекотало, словно кто-то водит перыш-

ком. Ночная рубашка, в которую она закуталась, вся сбилась, ладонь легла на грудь и стала ее растирать. Щекотка то проходила, то опять начинала ее помогать, но это было приятное ощущение. Пальчики коснулись двух вишенок, она уже и раньше к ним прикасалась, нравилось ощущать покалывание, переходящее в зуд, а после томление.

Света уже проснулась, слышала, как запищали птенцы. Значит, прилетела ласточка и стала их кормить. Пальчики продолжали осторожно поглаживать соски. Иногда она замирала, словно прислушиваясь к себе, и тогда на ее лице проступала улыбка. А порой, чуть надавив на них, начинала растирать, и тогда Света, тихо мурлыкая, словно превратилась в кошку, прогибалась и потягивалась до сладкой боли в суставах.

– Мммм... – промычала девочка, ощутив приятную волну, что поднималась от кончиков ног к самому горлу. – Мммм...

И вдруг совсем рядом заорал петух, прогнав остатки того сладкого состояния, из которого она не хотела выходить. Она еще немного понежилась, перевернулась на живот, а после на спину. Сон не хотел идти.

– Ладно, наверное, уже часов десять, – сказала она и потянулась за часами, что на всякий случай поставила на полку. – Что?! – был ее возмущенный возглас. Часы показывали только шесть утра. – Я спать хочу, – тут же заявила Света, упала на свою королевскую кровать и, натянув одеяло на

голову, быстро стянула с себя ночнушку. – Здорово, – прошептала она, ощутив свободу от одежды.

Пальчики сами забегали по телу. Она знала его хорошо, уже успела как следует изучить.

– Ойййй... – почти пропищала Света, когда пальчик коснулся бугорка и ушел куда-то чуть глубже.

Ей нравилось свое тело, нравилось его гладить, ласкать. Ощущать себя парящей птицей, которая поднималась все выше и выше, а после устремлялась к земле. И тогда дух захватывал и, перестав дышать, она сжималась, а пальчик все продолжал и продолжал играть.

Света вылезла из-под толстого одеяла, убрала с лица растрепанные волосы и, откинув покрывало в сторону, с улыбкой произнесла:

– Ну, что же, придется быть счастливой, коль других вариантов нет.

Я женщина

– Ну же, давай, раздвигай ноги... – сказал Юра.

Она хотела, очень хотела, так долго ждала, знала, что рано или поздно сделает это. И все же боялась, вдруг не то, вдруг рано, вдруг он все испортит.

Нине было неловко, что-то мешало, ноги запутались в одежде, которую Юра не до конца с нее снял.

– Все будет хорошо, – успокаивал он и, нагнувшись, стянул остатки одежды.

Стало легко. Она знала, знала, чем все закончится, боялась и в то же время уже ликовала.

Нина давно уже влюбилась в этого юношу. Он пришел в гости к Тимуру, с которым она учится, а после просто влюбилась и все. Он был настырным, первый полез целоваться, первый стал ее обнимать и первый снял с нее платье, а после долго гладил ее тело.

– Давай сделаем это, – как-то предложил он, но тогда Ника была не готова, испугалась его предложения и, целуя, стала быстро одеваться.

– Мне пора, – сказала она и убежала домой.

Они встречались на квартире у Тимура, тот уходил в свой кружок, оставляя в их распоряжении свою комнату. Нина жила с младшей сестрой, которая вечно лезла в ее дела. А у Юры дома была старенькая бабушка, она никуда не ходила, даже на улицу, выйдет на балкон, посмотрит на мир и обратно в свою норку. Вот они и встречались у Тимура в доме, а тот был и не против.

– Давай сегодня? – целуя ее в живот, спросил Юра.

– Нет, не сейчас, я не хочу, а вдруг, я...

– Больно?

– Нет, я о другом.

Нина прекрасно знала, что такое секс, слышала и наблюдалась в кино, даже прочитала несколько энциклопедий. Знала, чего ожидать, поэтому, не боялась этого акта, но она переживала за будущее.

Они, раздевшись, валялись прямо на ковре, целовались часами, пока не приходил Тимур. А услышав, как в замке поворачивается ключ, в панике начинали быстро одеваться.

– Потом, пока, милый, – ей это слово очень нравилось, словно она взрослая и может позволить себе так его называть.

– Пока, малышка, – так нежно, так ласково и убаюкивающе говорил он.

Они разбегались и с нетерпением ждали среды, когда квартира опять будет свободна.

У каждого свой первый секс, кто-то запоминает его на свою жизнь, а кто-то наоборот хочет выбросить его из памяти как что-то ужасное и отвратительное.

Галина, это ее подруга, рассказывала, что ее старшая сестра чуть ли не заболела после брачной ночи. А Татьяна, та жила в соседнем доме, подхватила какую-то заразу. После того случая Нинина мама, понимая, что ее дочка рано или поздно все равно сделает это, как бы невзначай сказала:

– Малышка (она всегда так звала Нину), вот тут в аптеч-

ке я оставляю гарантию, – и демонстративно положила пачку презервативов.

– Что это, мама? – она подошла, взяла одну из упаковок и внимательно прочитала. – Мам... – с каким-то возмущением протянула она.

– Пусть лежит, хорошо?

Нина покраснела, словно ее в чем-то уже обвинили. Тогда она обиделась на маму, но теперь, открыв аптечку, с благодарностью взяла упаковку и положила в сумочку.

О Лазоревой Свете ходили всякие слухи, ее несколько раз вызывали к директору, а после и родителей. Вроде и тихоня, сидит себе спокойно. Если не спросишь, то и не заметишь ее. Но про нее говорили, что она уже спала, вернее, занималась сексом, и не с одним, а с многими.

– Зачем? – шептала Карпова на перемене.

– А может, врут? – засомневалась в слухах Сафонова.

– Нет, не врут, точно делает, к ней сейчас примазывается Устинов Тарас, из параллельного.

– Врешь!

– Видела, он ее провожал.

– Ну и что! Завидно?

– Да нет.

– Прекратите шептаться за спиной. Хочешь, подойди и спроси, – сказала Нина и подумала, каково это – заниматься сексом.

Она сама уже много раз думала об этом. Иногда хоте-

лось, а иногда наоборот с отвращением думала о данном акте, словно это что-то низкое, звериное. Ну, поцелуй, ну, обнимашки, ну, можно раздеться, но зачем заниматься сексом? Порой не понимала, зачем это надо делать. Но в последнее время ее мысли возвращались к Юре, хотелось чего-то испытать, попробовать.

– А может, все это я зря переживаю, ведь все делают и ничего, – сама с собой разговаривала она дома, когда младшей сестры не было поблизости. – Наверное, это здорово, увлекательно и...

Нина часто себя ласкала, и ее игры так далеко заводили, что она, поскуливая, сжималась в комок, а после долго лежала и вспоминала приятные моменты.

– Живот болит? – как-то ночью спросила ее сестренка. Нина думала, что она уже уснула, но та услышала ее стон.

– Немного.

– Хочешь, принесу уголь, – если у кого-то болел живот, их мама первым делом давала девочкам активированный уголь.

– Ага, – соврала Нина и, отвернувшись к стене, улыбнулась.

Уже как две недели она носила в своей сумочке презерватив из аптечки. Достанет, посмотрит, но тут же спрячет подальше в отдельный кармашек и застегнет на молнию.

– Нет, не сегодня, потом, не сейчас, – говорила она себе, нажимая на звонок Тимура.

– Слушайте, я сегодня пойду еще к зубному, поэтому не

могу оставить квартиру.

– Ой, – расстроено сказала Нина.

– Да брось ты, мы же ничего не сделаем, – хотел уговорить его Юра.

– Если мать придет, вы тут, а меня нет, то все, ключи заберет.

Они уже оделись и хотели выйти.

– А может, – жалобно начала Нина.

– Не начинай, не могу, сама понимаешь, и так рискую.

– А может...

– Нет, не может.

– Ну...

Тимур посмотрел на Нину и, тяжело вздохнув, протянул ей ключ.

– В общем, так. В пять тридцать закрываете дверь на два оборота и ждете меня на скамейке, чтобы ключи отдать.

Нина заулыбалась, она уже отключилась от реальности и ждала только одного, когда Тимур закроет за собой дверь. Щелчок в замке.

– Я согласна, – тут же сказала Нина Юре и, прижавшись к нему, потянулась за поцелуем.

Пока она его целовала, он снимал с нее одежду. Юра немного запутался, но Нина, не отрывая губ от него, сама закончила.

– Я только...

– Не бойся, я...

– Нет, не об этом, постой, – она дотянулась до сумочки и достала заветную упаковку презерватива.

Нина много раз видела, как сорванец Юры торчал вверх. Сперва удивилась его размерам, а после испугалась, ведь он должен войти в нее. Но со временем как-то свыклась, зажимала его пальцами, ощущала мужскую силу, а тот дергался, словно молодой жеребенок, что норовил вырываться и убежать. А после Нина несколько раз его целовала, гладила и ласкала.

– Давай я сама, – она разорвала упаковку, и с триумфом достала розовую резинку. – Как тебе?

– Откуда взяла?

– Дома, – призналась Нина.

– А если спохватятся?

– Не спохватятся, – она промолчала, что его купила мама для такого случая. – Лежи спокойно.

Нина взяла его сорванца, коснулась его губами и тихо прошептала:

– Не балуй, сейчас я все закончу и отпущу тебя.

– Что? – не расслышав, что она сказала, спросил Юра.

– Это я с ним разговариваю, это только нас касается.

Нина, как показано на рисунке, положила презерватив на головку и осторожно раскатала по твердому стволу.

– Готово.

Все это время Юра внимательно следил за ней. Закончив, она отпустила сорванца и легла на спину. В груди все тре-

пыхалось, вибрировало, стеноло. Нина боялась, вдруг будет больно, вдруг он сделает все не так.

– Я готова, – еще раз сказала она и погладила по руке Юру.

Он лег на нее, она ойкнула, ощутив его вес на себе, но это была приятная тяжесть.

– Ну же, давай, раздвигай ноги... – сказал Юра.

Нине было неловко, что-то мешало, ноги запутались в одежде, которую Юра не до конца снял с нее.

– Все будет хорошо, – успокаивал он и, нагнувшись, стянул остатки одежды.

Стало легко, она знала, знала, чем все закончится, боялась и в то же время уже ликовала. Нина развела пошире ноги, его сорванец сразу стал тыкаться. Он несколько раз боднул ее в бедро, после куда-то вверх, а после стал опускаться к полу. Нина смотрела в глаза Юре, она не спешила, он сам должен все сделать. И тут ощутила, как его сорванец стал бодаться. Нина довольно улыбнулась, еще немного раздвинула ноги и приготовилась.

– Иди ко мне, – поманила она Юру, и тот, наклонившись, чуть потянулся вверх.

Поцелуи слились воедино, а ей все было мало, хотелось еще и еще. И тут Нина замерла, что-то глубоко внутри нее зашевелилось. Она упустила момент, когда он вошел в нее, губы расплылись в улыбке. Юра уперся руками в пол, приподнялся, Нина погладила его грудь, и тут он дернул бедра вперед.

Он вломился в нее, она перестала дышать, запрокинула голову и, ощущая толчки в паху, тихо произнесла:

– Я женщина.

Солнечный зайчик

1

Осторожно! Двери прошлого закрываются! Следующая остановка... «Счастливая жизнь»!

Мне выдали пропуск от общежития и ключи от комнаты, где, как было прописано, я буду жить один. Теперь у каждого студента свой, пусть маленький, но номер. Новенький

лифт, еще пахло краской в коридорах, мягкий свет и, как ни странно, цветы на подоконниках.

– Вот это да, – первое, что я сказал, поднявшись на свой этаж.

Много слышал про убогие общаги, про консьержку, что как цербер никого не пускает, но тут все по-иному. Вот моя дверь, открыл ее и осторожно вошел.

– Привет, – поздоровался я с комнатой, – будем дружить.

За спиной тихо чмокнула закрывающаяся дверь. Комната маленькая, даже слишком маленькая. Узкий шкаф, прикинул, как в него можно повесить пиджак. Узкая, но длинная кровать, узкий стол, узкие полки, тут все было узкое.

– Ну и ладно, зато свое и нет нудящего соседа.

Но главное, у меня был свой душ и туалет. Разложил принадлежности, достал полотенце, заправил кровать, подключил ноутбук и, довольный собой, пошёл прогуляться.

Мои друзья, когда окончили школу, были в растерянности. Годы учебы, а что дальше? И правда, что? Разве в школе учили будущему? Нет! Мол, сами разбирайтесь, это ваша жизнь. Но для чего все это? Получить образование, чтобы работать. А зачем? Чтобы получать деньги, купить квартиру, а если нет, взять ипотеку, а после десятилетия отрабатывать ее. Завести семью, а для этого опять нужны деньги, значит, опять работа. Но разве это правильно? Две трети профессий не нужны, город живет, чтобы жить, какая-то бессмыслица.

Я ломал голову над этим и не мог найти решение. Вот Ви-

ты решил пойти в армию, Лешка сразу ударился в бизнес, а Мишка остался в поселке, у него мать парализована. Я даже не знаю почему, но подал документы в Тюменский медицинский институт. Сразу поступил. И вот теперь я тут, через пару дней занятия. Я гордился собой, что смог сделать первый самостоятельный шаг. Чужой город, новые люди и, надеюсь, новая жизнь.

Никого из своих соседей я так и не увидел, как-то не удалось пересечься. А может и видел, но не знаю, что они живут за стенкой. Первые дни в институте, собрания, лекции, надо было запомнить преподавателей, кафедры. Сразу первые знакомые.

– Ты откуда? Я из Сургута. Знаешь, говорят, Саныча не стоит дразнить, он все помнит, хоть и стар, а вот Марта, ну эта, – тут он развел руки в стороны. На кафедре была только одна такая, Марта Егоровна, – говорят, берет борзыми щенками. И вообще...

За полчаса я узнал от Виталия, наверное, все, что творится в институте, кто и где. Куда надо бежать, если завалили, и через кого действовать. Он перечислил всех студентов из нашего факультета и, наверное, даже знал их дни рождения.

– Ты в каком номере?

– 735, – коротко сказал я, понимая, что он спросил номер в общежитии.

– У меня 936, у тебя в 734 Женька из Нижнесортымска, это где-то около Хантов. А вот в 736, вроде Светлана зовут,

точно не знаю. Ты ее видел сегодня? – спросил он у меня.

– Я даже не знаю, кто она такая.

– Серьезно?

– Да.

– Ладно, увидишь, тут она одна такая. В общем, рыжая и волосы во, – провел рукой около уха, давая понять, что они короткие. – Ну ладно, я побежал.

Он запыхтел, будто у него включился двигатель, резко развернулся и на всех порах убежал. Первые дни были суматошные, длинные пары, не то, что уроки в школе. Приходил к себе в комнату и валился от усталости.

Уже стемнело, дни стали намного короче. Мне нравится Сибирь из-за ее морозов, дождей и лесов, но короткие дни, это тяжело. Просыпаешься еще темно, учеба, приходишь, и уже темно. Ощущение, что живешь в подземелье.

Разделся, лег, в голове шумит, и никак не можешь уснуть, а тут еще голоса. Прислушался. Это был женский голос, точно женский. Он шел откуда-то из-за стены.

– Вот блин, – выругался я и представил, что там происходит за стенкой.

Этот голос ни с чем нельзя спутать, это не слова, не крик, не смех или плачь. Это стон. Он такой сладкий, словно откусил персик, сок течет, а тебе наплевать на это, ты наслаждаешься ароматом, вкусом, его мягкостью.

– Мммм...

Донесся из-за стенки ее голос.

– Ну... – хотел было возмутиться, но промолчал.

Ее голос был бархатным, на удивление плавным. Вдруг она затихла. Я напрягся, понимая, что сейчас услышу что-то вроде крика или...

– Ах... – донеслось до моих ушей.

– Фух, – выдохнул, будто это я сейчас занимался сексом. – Ну и стены, – тихо сказал, понимая, что у стен нет звукоизоляции.

Странно, но на душе было приятно. Кто она и с кем? В голове промелькнуло несколько воспоминаний из прошлого. Вспомнил Иру, впервые поцеловался с ней у нее дома, она сама прижалась ко мне. Хлопала глазами, а губы тянулись. В груди защемило, стало тоскливо, она осталась там, а я тут. Это была не любовь, дружеская привязанность, она так и сказала. И все равно стало тоскливо. «Кто она?» – промелькнула мысль, постарался вспомнить ее голос и незаметно уснул.

Новый день. На факультете увидел Светлану, она и правда такая одна. Обычно девчонки красятся в белый, черный, фиолетовый или даже зеленый цвет, но она была ярко-оранжевая, словно солнышко. Я сидел на паре и косился в ее сторону.

– Не парься, она уже Клинова отшила, а Норвика пнула по ноге. Та еще коза, – Виктор покосился в сторону Светланы, а после в другую сторону. – Что сегодня делаешь?

– Не знаю.

– Пошли к нам, Денис отмечает день рождения.

Я уже познакомился с ним, кудрявый, немного хмурый, но парень ничего себе, школу закончил с золотой медалью, поэтому поступил на бюджетное место.

– Ладно, – я понимал, что отрываться от коллектива не стоит, потом все равно все лишние отсеются, а пока надо вливаться.

Вернулся в номер поздно, опять за окном чернота. Кто-то смеялся в конце коридора, где еще тихо играла музыка. Сел на кровать и постарался собраться с мыслями, что дальше? И в этот момент...

– Ай... – тихо, еле слышно донесся до меня ее голос.

Я покачал головой и с возмущением подумал, что мне теперь придется постоянно слушать ее охи.

– Ах...

– Ну, вот еще!

Возмутился я и, встав, прислушался, откуда доносится голос. Новый вздох. Я подошел к стенке Женьки, что был соседом у моей кровати, но там было тихо.

– Ладно, – и покосился на стенку, за которой жил солнечный зайчик, так я прозвал Светлану. – Неужели она?

Я вспомнил ее на паре, как она, задрав носик, смеялась и шушукалась с подружками. Но я не мог вспомнить, чтобы она ходила с кем-то из парней. Да и Витька сказал, что она не из таких.

– А...

Это был точно ее голос. Как я раньше не догадался. От любопытства подошел к стене и прислушался. Но все на самом интересном месте затихло. Я еще с минуту стоял не ше-

велясь, боялся упустить, но Светлана молчала. И опять тоска в груди, там любовь, а я тут один сижу. Сон не шел. Появилось чувство ревности. Почему? Я ведь ее не знаю, только пару раз здоровались и не более того. И все же я лежал и думал о ней, старался вспомнить цвет ее глаз, но не мог, видел только ее улыбку.

Уже на следующий день, ложась спать, я был готов. Были дни, когда ничего не происходило, а порой ее стон был таким сильным, что мне казалось, будто она у меня в комнате. Я тайно злился на нее, хотел постучать в стенку, напомнить, что она не одна. Но рука зависала в воздухе, я не мог прервать минуты наслаждения. Выключил свет и сел на кровать.

– Что?

Откуда-то снизу шел свет. Я посмотрел на свой ноутбук, он был выключен и зарядка тоже. Встал и подошел к столу, выдернул из розетки вилку, но свет не пропал.

– Не понял?

Я и правда не понимал, откуда мог идти свет, поскольку уже все, что смог, отключил. Убрал стул, отодвинул чемодан, он так и не вошел в узкий шкаф. Свет стал ярче. Осторожно, чтобы не скрипеть, пододвинул тумбочку. Маленькая точка, словно луч фонарика, проникал сквозь стенку из комнаты Светланы. Хотел рассмотреть, но в темноте ничего не было видно. Я встал и пошел, чтобы включить свет, споткнулся о свой же чемодан и чуть было не упал. Вспыхнул свет, и я вернулся обратно. Пошарил рукой. Вот она, дырка, ровная,

словно кто-то ее просверлил.

– Может, строители не заделали? – но сам уже думал о другом. Наверняка кто-то специально, надеялся, что займет эту комнату, но просчитался.

Удар в дверь отвлек меня от мыслей. От неожиданности я даже вздрогнул. Без задней мысли подошел и открыл дверь.

– Козел, маньяк... – Светлана толкнула меня и ворвалась в комнату. – Так и знала, сволочь!

Она стояла и смотрела на отодвинутую тумбочку. Мне стало стыдно, почувствовал, что покраснел. Светлана подумала, что я специально сделал дырку, чтобы за ней подсматривать. Начал было извиняться, но ее глаза полыхали гневом, и я замолчал. А что еще мог сказать? Меня застукали с поличным. Наверное, мой яркий свет в комнате выдал тайное отверстие в стене.

Было ужасно стыдно, будто я и правда мог за ней подсматривать. Она вышла, а я, будто облитый кипятком, весь горел от стыда.

На следующий день, пряча глаза, сел как можно дальше от нее. Светлана шутила с подружками и за весь день ни разу не посмотрела в мою сторону. Немного отлегло.

Вечером, возвращаясь к себе, я увидел ее. Светлана стояла около моей двери и ждала меня. Тонкий свитер с широким горлом, длинные рукава, светло-голубые штаны и тапочки.

– Можно? – спросила меня, говоря тем самым, чтобы зайти ко мне.

– Да, – я открыл дверь и пропустил ее. – Извини, не хотел. Я не делал ее, она там уже была, я...

– Она там? – спросила Светлана и покосилась в сторону тумбочки.

– Да. Я заделаю ее прямо сейчас. Вот, смотри, – достал из кармана жвачку и стал усердно работать челюстью. – Не знаю, кто ее сделал, случайно увидел, у тебя горел свет, вот и заметил. Не обижайся, я и правда не хотел.

Отодвинул тумбочку и, достав изо рта жвачку, уже потянулся к дырке, чтобы залепить ее, но Светлана остановила меня.

– Стой.

– Я тогда куплю шпаклевку, прямо завтра.

– Меня слышно?

Мне стало неловко за себя, будто специально подслушивал ее стоны.

– Да, – признался я. Девушка сразу покраснела и, чтобы немного сгладить ситуацию, я добавил. – Только чуточку.

– Я буду тише, – извиняющим тоном прошептала она и пошла к выходу.

– А мне нравится, – сказал я. Она на секунду остановилась, открыла дверь. – Не стесняйся...

Но Светлана закрыла за собой дверь.

– Фух, – выдохнул я и, нагнувшись, все же заклеил дырку жвачкой.

Странная девушка, то чуть было нос ему не разбила, и была бы права, то вдруг говорит, чтобы не заклеивал. Следующий день ничего нового не принес, ни я, ни она не искали повода, чтобы поговорить, словно мы не знакомы. Опять чернота за окнами, опять пустота в душе. Уже одиннадцать, надо пораньше лечь спать, завтра четыре пары.

Только я лег в постель, как услышал, что она стучит в стенку.

– Ты тут? – донесся ее голос.

– Да, – сразу же ответил. – Я не слушаю, могу уши заткнуть, не переживай.

– Нет, – ответила она негромко, но я все равно ее услышал. – Ты заделал ее?

– Да, только залепил.

– Посмотри.

– Куда? – не понимая, спросил ее я.

– Туда, я подожду.

– Ладно, – и стал быстро отодвигать чемодан, а после тумбочку.

Жвачка еще не засохла, я быстро ее выколупал и, нагнувшись, посмотрел в дырку.

– Видишь? – спросила меня Светлана.

– Да, но только ноги, – постарался нагнуться пониже, но это мало что дало.

– А так?

Девушка отошла и встала около своей кровати, теперь я видел ее по пояс.

– Ты в клетчатой юбке. А фут... – я сомневался в футболе она или нет, поскольку заметил только белую ткань.

– Хорошо. Смотри.

Я не успел ни о чем подумать. Света отошла в сторону, вспыхнул свет от настольной лампы, а верхний погас. Она как бы погрузилась в полумрак. Девушка повернулась ко мне спиной, я заметил, что у нее на ногах черные гольфы. И тут Светлана быстро расстегнула юбку и спустила ее с себя. Тук-тук, застучало мое сердце. Я многое мог ожидать, но не это. Даже думал, что она опять ворвется ко мне, как мальчишку отчитает и даст по носу. Но теперь я видел ее попку, обтянутую светло-зелеными трусиками. Я уже представлял, что будет дальше, но тут в ее комнате погас свет.

Светлана сделала это вовремя. Я еще какое-то время сидел и пялился в темноту, думал, что она передумает и включит свет. Прошла минута. Я молчал, а что мог сказать, мол, круто, давай еще. Стало обидно за себя, выключил свет и лег спать.

На следующий день Светлана, как и раньше, игнорировала меня. Только один раз подошла в столовой и попросила передать ей вилку. Я застыл на месте. На ней была та же самая клетчатая юбка, те же черные гольфы. В голове промелькнули вчерашние воспоминания...

– Двигай быстрее, не один стоишь, – сказал Влад и подтолкнул меня ближе к кассе.

Наше сознание порой так много может изменить. Всего одна безобидная деталь, а картина мироощущения меняется. Сердце тук-тук, я еще раз посмотрел на Светлану, но она, оживленно болтая с подружками, допивала свой компот.

– Ты тут? – уже ближе к одиннадцати раздался стук в стенку.

– Да, – сразу же ответил ей.

– Теперь твоя очередь.

– Моя? – удивился я, будто я на что-то соглашался.

– Да, твоя. Отодвинь, ничего не вижу.

Я понял, что Светлана прильнула к дырочке в стене и пыталась его рассмотреть. Быстро отодвинул в сторону тумбочку.

– Еще, – потребовала она.

Мне пришлось отодвинуть тумбочку в коридор.

– Так лучше?

– Нормально. Раздевайся!

– Что? – это был не вопрос, а возмущение.

– Ну да, раздевайся. По-честному, я вчера, ты сегодня.

Я даже потерял дар речи. Не я ведь затеял эту вчерашнюю игру в раздевания, но почему-то промолчал. «А почему бы и нет», – стало на душе смешно, словно это какая-то детская игра.

– Но я же...

– Ну, давай же. Я жду.

Никогда не представлял себя в виде стриптизёра. Хотя, что тут такого? Быстро отошел подальше к своей кровати, расстегнул джинсы и, как у врача, стянул их до колен. А после секундное замешательство. Прыгая на месте и снимая кроссовки, стянул джинсы. «Интересно, она смотрит, или так просто прикалывается надо мной?» – подумал я. И тут заметил, как под моими плавками вздулся бугорок. «Вот черт!» Я запрыгал, рука по-идиотски его прикрыла, дотянувшись до выключателя и погасил свет. Как так? Ведь я ничего подобного не думал. Но мой парень решил все за меня.

К утру я как-то свыкся со своим конфузом. Солнечный лучик на паре даже несколько раз посмотрела на меня, но ее взгляд был какой-то серьезный. И опять она в своих тапочках ждала меня у двери. Я открыл дверь, и Светлана, не спрашивая приглашения, вошла.

– Было здорово. Жаль, что погасил свет. Сегодня моя оче-

редь. Ты согласен? – Я тут же молча кивнул. – Как постучу...

Она не закончила фразу, посмотрела на меня каким-то любопытным взглядом, развернулась и вышла. «Вот дурак», – ругал себя, можно было бы предложить чаю, я еще вчера купил коробку конфет. До вечера было еще далеко. Никуда не пошел, а просто сидел и ждал. Одиннадцать часов, еще десять минут прошли, а после еще. Уже хотел было напомнить о себе, как тут она постучала.

Не говоря ни слова, я быстро отодвинул чемодан, теперь тумбочка стояла под столом. Выключил свет, чтобы он не мешал, и прижался к дырочке.

– Ты тут? – спросила она.

В ответ я только стукнул пальцем по стене. На ней была все та же клетчатая юбка, только не было черных гольф. Она покрутилась на месте. Я ничего не видел, что было выше пояса. Но тут Светлана опустила руку, а вместе с ней и футболку, что была на ней днем.

Тук-тук, сердце напомнило о себе. Я услышал, как она хихикнула, словно прочитала мои мысли. Бросила на кровать футболку, руки поднялись вверх. Я попробовал опуститься пониже, чтобы увидеть, что там выше. Ее рука опустилась, небрежно держа тонкий лифчик. Я выругался про себя, что не подумал раньше расширить дырку, но уже поздно. Опять услышал, как она хихикнула. «Дразнит, точно дразнит», – подумал я, и тут Светлана взяла и, вильнув попкой, стянула с себя трусики. Тук-тук-тук-тук...

Я перестал дышать. И даже когда погас свет, лежал еще, наверное, с полчаса. Не думал о том, что она красивая, это и ежу понятно. Думал, почему она так поступает? Что ее заставляет показывать мне свое тело? В голове вертелись ответы и эти последние моменты, что я увидел. Хотелось встать и постучаться к ней в дверь, но не мог, это ее игра, а значит, и ее правила.

– Можно? – и, не дожидаясь ответа, Светлана села рядом. Ее волосы переливались, словно были сотканы из лучей света.

– Да, – с опозданием сказал я.

– Как тебе? – думал, что она про лекцию.

– Да так себе, интересно, но...

– Я не об этом.

Мне сразу захотелось сказать, что она сексуальная, но это ведь глупо. Боясь, что меня услышат, я только и смог сказать:

– Круто.

– Не забудь, сегодня твоя очередь.

Она тут же встала и ушла к своим подружкам. Я весь день только об этом и думал. Что мне делать и как? Прокрутил в голове множество вариантов, но все выглядело просто по-дурацки.

Тук-тук, в стенку постучал ее кулачек. Я встал и обреченно убрал чемодан. Сердце почему-то выло. А что тут такого, ну, снять, ну, показать, ну и все. И все же, было не по себе, словно сейчас на меня смотрит целый мир.

Снял рубашку, старался делать спокойно, словно меня это не касается. Положил ее на кровать. Расстегнул ремень, но тут вспомнил, что забыл снять кроссовки. Хотелось посмот-

реть в ее сторону. «А может, ее там и нет?», – спросил сам себя, но от этого стало еще хуже. Сердце тарахтело, а пальцы почему-то не слушались.

Наконец, я расстегнул джинсы и снял их. Тут же покосился на явно выпирающий бугорок, он там дергался, хотел вырваться. Мне стало не по себе. Он предательски говорил о том, что думаю. Я выпрямился, повернулся в сторону стены и, гордо схватив плавки, потянул их вниз. Мой парень тут же несколько раз подпрыгнул и, задрав голову вверх, замер.

Не знал, что делать. Это было впервые со мной. Хотел выключить свет и в то же время нет. Хотел отвернуться, было стыдно за своего сорванца, что он так повел себя. Но в то же время хотел, чтобы она смотрела на меня. «Почему?», – промелькнула глупая мысль. Я осторожно сделал шаг, парень пошатывался, но продолжал стойко торчать вверх. Наконец, рука дотянулась до выключателя, и я нажал на него.

«И что теперь?», – спросил себя и сел на кровать. Парень еще какое-то время дергался, а после, понимая, что продолжения не будет, стал медленно опускать голову к земле.

– Ай... – послышался тихий голос Светланы.

Я привстал и подошел поближе к стене.

– Ох... – глубокий ее выдох.

Я сразу улыбнулся, вспомнил, какой она была вчера, мой парень тут же ожил, требуя своего. Я не мог уснуть, думал о ней всю ночь, а утром услышал дружеское постукивание в стенку и радостный голос:

– Пора вставать, соня, опоздаешь на пару.

Я резко сел и тут увидел, что не поставил на место чемодан.

– Спасибо, – ответил соседке и, соскочив с кровати, пошел в душ.

Мне понравилось начало семестра, понравилась учеба, понравились мои друзья. Понравилась милая соседка-солнечный зайчик, которая, улыбаясь, подсаживалась на паре и спрашивала, когда я пойду к себе.

Хвостик

1 Выстрел

Доводилось ли вам видеть тополь в состоянии депрессии или кита в мрачном расположении духа, а может, льва с заниженной самооценкой, кошку, что не может расслабиться, или ворону, обремененную обидой? Нужно учиться жить настоящим. Это Ирина Алексеевна давно уже усвоила и вот теперь стояла на остановке и кричала на мужчину. Она то ревела, зло смотрела на него, то отворачивалась и, сканируя пространство, присматривалась к редким прохожим.

– Стоять! Вы арестованы!

Как только к ней подошли трое мужчин, она резко присела и тут же достала пистолет. Троица шла весело, они еще издалека ухмылялись, видя, как развивается семейная драма.

– Ты посмотри на нее, не ровен час запинаят мужика, – сказал один из них и достал зажигалку, чтобы прикурить.

Но то, что произошло дальше, заставило их мгновенно перейти в оборону. Один бросился на женщину, но удар пистолета в грудь сломал нападающего пополам. Он взвыл от боли, что-то в груди хрустнуло, словно сырые ветки. Удар в лоб, и он упал, ударившись головой об асфальт. Двое других бросились врассыпную.

– Я за этим! – крикнул лжеуж и, достав пистолет, произвел несколько выстрелов в воздух. – Стоять!

Женщина не заставила себя ждать. Она с проворством кошки перепрыгнула через тело, что было приковано к земле, и бросилась за третьим. Последовало несколько выстрелов, она не услышала свиста пуль, лишь промелькнул страх за себя. Направила пистолет и нажала на спуск. Убегающий кувыркнулся, словно клоун, который хотел показать цирковой номер, и теперь зрители должны засмеяться.

– Лежать! – не опуская пистолет и готовая в любую секунду открыть огонь на поражение, прорычала она. И как только догнала, пригнула ему на спину. – Лежать!

Женщина еще несколько раз прокричала и, не обращая внимания на вой раненого, быстро скрутила ему руки. Редкие прохожие разбежались от греха подальше. Застегнув наручники и подняв с земли пистолет мужчины, она пошла к первому. Тот, похоже, уже очухался и пытался подняться с земли.

За этой бандой они охотились уже третью неделю. Громкое нападение на инкассаторов, их выслеживали, но они, будто чуя засаду, все время ускользали. И вот теперь Ирина засекала знакомое лицо, ей пришлось импровизировать и подпустить их как можно ближе к себе. Риск всегда присутствует, она не подумала о дочери с сыном, которые остались у ее мамы. Это теперь Ирина Алексеевна сидела на скамейке и тряслась от страха, но тогда было не до этого.

Света сразу же проснулась, как в коридоре послышался такой знакомый голос. На всякий случай еще немного полежала и, убедившись, что это мама, соскочила с кровати, закуталась в плед и, шлепая босыми ногами, побежала на кухню.

– Мам, – радостно сказала девочка и сразу прижалась к женщине. – Я соскучилась. Ты надолго?

Света привыкла к тому, что ее мама могла посреди ночи уехать на работу, а проснувшись, она с Егором (это ее младший брат) могли очутиться дома одни. «Работа», – так говорила Света, провожая брата в школу. Но мама не всегда пропадала, иногда они могли подолгу жить на даче, уезжать на море к бабе Римме. Вот и теперь мама приехала к ним, а значит, как минимум на неделю или даже две.

– Мам, – шептала девочка, обнимая ее за шею.

– А ну, надела тапки! – скомандовала бабушка.

– Да сейчас, – отмахнулась девочка.

Открылась дверь, появился Егор. Он, кажется, не понял, что произошло, идя только на голос, подошел и ткнул головой в плечо мамы.

– Как вы подросли, – она так всегда говорила, а после ставила их спиной друг к другу и смотрела, кто на сколько подрос. Егор тянулся, он хотел быть выше сестры, а та не отставала и поднималась на носки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.